

Чудинов Сергей Иванович

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный
университет телекоммуникаций и информатики»

г. Новосибирск, Новосибирская область

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается проблема цивилизационного измерения стратегии безопасности, которая всегда формулируется в соответствии с ментальными установками, социокультурными особенностями конкретной цивилизации. На примере эволюции стратегии национальной безопасности США авторами показано, каким образом переход из модернистской парадигмы развития в турбулентный социум predetermined смену стратегии глобальной безопасности.

Ключевые слова: цивилизационные аспекты безопасности, национальная безопасность, дискурс безопасности, турбулентный социум.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект №15–33–01310.

Проблема экспликации цивилизационных параметров выстраивания стратегии безопасности в той или иной стране, или более крупной общности – цивилизации, выглядит достаточно современной и насущной в контексте всеобщей озабоченности обеспечением национальной безопасности и секьюритизацией все более широкого спектра политических и социальных проблем. Изучение этой проблемы поможет понять в каких вопросах между государствами и обществами может быть единство, а где различное понимание аспектов национальной безопасности, обусловленное социокультурными факторами, проводит подчас непреодолимую стену для сотрудничества. Экспертами уже не раз отмечалось

различие эпистемологических и онтологических предпосылок, лежащих в основе, скажем, американской и европейской философии государственной и общественной безопасности.

В частности, Б. Буззан и Л. Хансен отмечают, что североамериканский подход к исследованию безопасности отличается склонностью к рационалистическим и экономическим объяснениям, тогда как в критическом подходе, преимущественно характерном для Европы, ставится акцент на интерпретативном и герменевтическом подходе [2, с. 60]. Разность методологий отражает несовпадение ментальности (подсознательных установок на восприятие реальности, которые объясняют не что содержится в сознании, а как осмысляются предметы), когнитивных схем восприятия одних и тех же социальных явлений, а также интеллектуально-философских культур. При этом, следует отметить разную степень схожести между конкретными европейскими обществами и США. Так, между Англией и США много общего, поскольку их объединяет англо-саксонский менталитет. Для него свойственен прагматизм, умеренный гносеологический скептицизм, отсутствие интереса к построению сложных онтологических схем. Поэтому, геополитика США и Британии, помимо иных объективных причин, имеет большую общность подходов в решении геополитических проблем. С другой стороны, политическая культура и стратегическое мышление Франции и Германии, в значительной степени дистанцированы от североамериканского менталитета, хотя их внешнеполитическая стратегия балансирует между двумя полюсами – европоцентризмом и атлантизмом.

Цивилизационный аспект в понимании безопасности и структурирования соответствующей геополитической стратегии означает доминирующий идеологический дискурс, ментальные особенности восприятия безопасности и национальных интересов, религиозные и квазирелигиозные аспекты обоснования исторической миссии своей цивилизации, и прочее, что относится к социокультурным параметрам интерпретации (национальной) безопасности и особенностям ее стратегической реализации.

В данном кратком исследовании мы остановимся на примере стратегического видения способов обеспечения национальной безопасности в США. В нашем анализе эволюции стратегии безопасности нас будет интересовать конструируемый дискурс, легитимирующий те или иные способы продвижения и защиты интересов американской элиты, а также причины трансформации стратегии глобальной безопасности в контексте цивилизационного развития и смены мировоззренческих парадигм.

Если верить М. Расмуссену, который в своей апологетической интерпретации доктрины Буша-мл. [3] отмечает, что президентская администрация стала следовать более современному рискологическому подходу в понимании путей достижения безопасности (оценивать угрозы безопасности как риски (т. е. нечто потенциальное и еще не материализовавшееся), которыми следует управлять), идя вразрез с доминирующим неореалистическим подходом (воспринимающим угрозы как нечто вполне овеществленное и исходящее от государств), основная угроза глобальной безопасности была персонализирована в ряде политических режимов. Это означает, что традиционное стратегическое мышление продолжало руководить администрацией США, а новый принцип превентивности во внешней политике означал прагматическую стратегию с неореалистической когнитивной основой.

Стратегия национальной безопасности и геополитики, которые в случае США всегда идут в одной связке, реализованные администрацией Буша-мл. были последним рецидивом модернистского видения глобального американского доминирования («лидерства» – в официальном дискурсе США). Военные операции в Афганистане и Ираке были призваны совершить перекройку карты важного в энергетическо-ресурсном плане региона Ближнего и Среднего Востока. При этом легитимирующий дискурс при Буше-мл. в большей степени спонтанно, но закономерно, учитывая протестантскую закваску североамериканской культуры, приобрел квазирелигиозный характер – обозначение локаций абсолютного зла («Ось Зла»), борьба с международным терроризмом как квазиэс-

хатологический проект, трактовка войны с врагами «цивилизованного человечества» в западно-христианской религиозной терминологии («крестовый поход»), «демократизация мира» как вселенская миссия Америки по распространению истинных универсальных ценностей.

Доктрина «национальной безопасности» Б. Обамы показывает серьезные перемены [1], которые при президентстве Буша-мл. лишь только намечались. Та же апелляция к исключительности североамериканского общества (экспортированная библейская идея богоизбранности в сознание протестантское), которая фактически предопределена трансцендентными силами, сочетается с оговорками о сложности новых угроз и глобальных рисков и необходимости широкой коалиции государств в разрешении этих проблем. Это не признание многополярности мира, но признание в «перенапряжении» сил единственной сверхдержавы в строительстве нового мирового порядка и сворачивание этого проекта.

Реальная геополитика гораздо более красноречива. Усовершенствование технологий «цветных революций», в том числе широко апробируемых на постсоветском пространстве, более скрытые формы военно-политического вторжения и разжигания конфликтов в регионах, входящих в сферу «национальных интересов» транснациональной элиты США (Ливия, Сирия, Украина) стали характерным стилем реализации стратегии безопасности за последние семь-восемь лет. Целенаправленная хаотизация избранных регионов и государственно-территориальных образований с последующим поставлением под контроль лишь циркуляцию экспорта ресурсов (в первую очередь углеводородов) без серьезного отношения к действительной политической стабилизации того или иного региона (хотя бы в виде марионеточного правительства) – обновленная стратегия США достижения собственной безопасности и социально-экономического развития.

Реальная, а не декларативная стратегия современных США (хаотизация мира, или стратегия управляемого хаоса) отражает современное состояние глобального социума, формирующегося в ходе процессов глобализации. Проект глобализации, запущенный Западом, где первую роль играет североамериканская цивилизация, привел в действие такие силы, которые стали неподвластны

и неконтролируемы самим инициаторам и агентам глобализации. Западные общества также пережили внутреннюю трансформацию, в результате вовлечения в эти фундаментальные процессы, а также логике переоценки собственных цивилизационных ценностей. Состояние их культурно-ценностной основы принято именовать ставшим уже традиционным термином «постмодерн». Однако более адекватным концептом, на наш взгляд, может стать еще слабо отрефлексированное, но более точное понятие «турбулентного социума». Социальная турбулентность или неустойчивость аксиологической основы, когнитивно-познавательных установок, нестабильность политики, экономики и других сфер социальной жизни, возникновение глобальных и слабо прогнозируемых рисков – все эти признаки, свойственные для современного общества, хорошо вписываются в рамки категории турбулентности.

Стратегия обеспечения глобальной безопасности и геополитики США значительно изменилась в соответствие со все большим погружением в социально-турбулентные процессы, которые, впрочем, уже не пытаются стабилизировать и привести к норме и единому стандарту, но провоцируют на дальнейшие флуктуации в тех направлениях, которые выгодны с точки зрения интересов «национальной безопасности».

Список литературы

1. Марин А. Стратегия национальной безопасности США [Текст] / А. Марин // Зарубежное военное обозрение. – 2015. – №6. – С. 3–10.
2. Buzan B. The evolution of international security studies / B. Buzan, L. Hansen. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 383 p.
3. Rasmussen M.V. The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century / M.V. Rasmussen. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 224 p.